

Ключевые слова: рок-поэзия, русский рок, экзистенциализм, абсурдизм, фатализм, мотив, образ, ситуация, жизнь, смерть.

Пауэр Кристина Юрьевна

Кандидат филологических наук, кафедра истории журналистики и литературы, факультет журналистики, Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова
ORCID ID: 0000-0001-8198-1338
kristina.power@yandex.ru

Key words: rock-poetry, Russian rock, existentialism, absurdism, fatalism, the motive, the image, situation, life, death.

Pauer Kristina Yu.

PhD in Philology, A.S. Griboedov Institute of International Law and Economy, Faculty of Journalism, History of Journalism and Literature Department
ORCID ID: 0000-0001-8198-1338
kristina.power@yandex.ru

ПАУЭР К.Ю.

Экзистенциальная модель в творчестве Янки Дягилевой

PAUER KRISTINA YU.

The Existential Model in the Works by Yanka Dyagileva

Экзистенциальная модель в поэтике Я. Дягилевой является смыслоформирующей системой. Основой такой модели выступают мотивы, связанные с пограничными ситуациями. Экзистенциальная модель притягивает к себе смыслообразующие комплексы, сходные с ней по структуре. Это: 1) «абсурдизм», включающий в себя мотивы бессмысленности существования, 2) «фатализм», включающий в себя мотивы предопределения судьбы, 3) «панк» (протест) и 4) «фольклор», включающий в себя сказочные мотивы, связанные с пограничным пространством.

The existential model in the poetics of Y. Dyagileva is the sense-forming system. The basis of this model are motives associated with borderline situations. The existential model attracts semantic complexes similar to it in structure. There are: 1) "absurdism", which includes motives for meaninglessness of existence, 2) "fatalism", which includes motives for predetermination of fate, 3) "punk" (protest) and 4) "folklore", which includes fabulous motives associated with the border space.

УДК 784.3
ББК 85.318

Феномен русского рока сегодня представляет интерес для различных наук: литературоведения⁽¹⁾, искусствоведения [19], социологии [1]; [8]; [14], философии [5]; [13], этнографии [21]; [30] и музыковедения [29]; [20]. Наиболее важными и актуальными проблемами роковедения на данном этапе развития литературоведения, на наш взгляд, являются вопросы, связанные с содержанием текстов рок-поэтов.

Без исследования идеи, смыслов и мотивно-образного строя художественного произведения невозможен полноценный анализ текста. Именно поэтому в статье исследуются смысловые комплексы в поэзии Янки Дягилевой.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ НАЧАЛО В РОК-ПОЭЗИИ

Смыслообразующие системы имеют общую основу, однако на данный момент существует только одна работа, посвященная исследованию в рок-поэзии. Стоит отметить, что под термином «экзистенциальное ядро» мы понимаем первостепенную экзистенциальную сущность, являющуюся базой, индуцирующей «тошноту» от ужасной окружающей действительности. Н.В. Ройтберг анализирует экзистенциально-трагедийное начало в русском роке: «рок-герой тяготится ощущением и переживанием экзистенциального ужаса от осозна-

(1) Феномену русского рока посвящено множество научных трудов (исследования И.А. Авдеенко, В.В. и Н.В. Багичевых, Е.Р. Авиловой, В.А. Гаврикова [6], А.А. Дидурова, Ю.В. Доманского [10], Е.В. Мякотина [19], А.С. Новицкой, С.В. Свиридова, О.Р. Темиришиной, М.Б. Шинкаренко и др.).

ния абсурдности существующего мироустройства <...> Возможные варианты освобождения от „тошноты“, „нудительности“ бытия – сон, смерть, сумасшествие» [22, с. 10]. Таким образом, Н.В. Ройтберг отмечает корреляцию экзистенциальных мотивов с мотивом ухода от реальности.

Думается, что необходимо более глубокое изучение экзистенциальной основы рок-текстов с последующей систематизацией комплексов мотивов, так как они становятся смыслообразующими, что обуславливает актуальность нашей работы.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ В ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЕ

Экзистенциализм как философское направление акцентирует внимание на смысле жизни, существования. Именно поэтому основным термином направления является «экзистенция» – существование. При этом меняется гегелевское понятие истины как познаваемого объекта: по мнению С. Кьеркегора, истина связана с эмпирикой, с тем, что может быть пережито [25]. Согласно концепции Р. Мэя, в своем развитии человек регулярно находится в состоянии кризиса, что соотносится с чувствами тревоги, опасности, стресса и безысходности [18], именно поэтому в его понимании термины «экзистенция» и «трансцендентность» становятся близки, так как бытие человека не может быть рационально понято. Чувства безысходности, страха и отчаяния, свойственные человеку, возникают из-за конфликта с реальным миром. Именно этот конфликт становится ключевым в рок-поэзии [22, с. 9].

В соответствии с концепцией экзистенциализма, человек может понять сущность своего бытия в моменты кризиса, «пограничной ситуации», находясь между жизнью и смертью, так как именно в таких ситуациях человек отчуждается от «бытовухи» и, осознавая свое одиночество, вынужден сделать экзистенциальный выбор.

Художественное направление абсурдизм является, по сути, ответвлением экзистенциализма. В отличие от экзистенциализма, где основным вопросом бытия является смысл существования человека, абсурдизм дает ответ на этот философский вопрос: жизнь бессмысленна. Так, Мерсо, главной герой повести Альбера Камю «Посторонний», приходит к выводу, что *смысл бытия* заключается в *бессмысленности*

жизни, поэтому он делает *выбор*: смириться с обстоятельствами, которые не в силах изменить [12].

Однако не все герои произведений абсурда смиряются с бессмысленностью бытия. Так, Антуан, главный герой романа Ж.-П. Сартра «Тошнота», не готов примириться с *бессмысленностью* жизни, делая *выбор* в пользу творчества. Антуан тяготится окружающей реальностью, морально «разлагающиеся» люди вызывают у него чувство *тошноты*, он *отчуждается* от общества, от омерзительного окружающего мира в ирреальное пространство творчества [24].

Таким образом, основным вопросом философии экзистенциализма является проблема смысла бытия. Человек может понять смысл своего существования только в пограничных ситуациях между жизнью и смертью, так как решение вопроса иррационально, связано с эмпирикой. Иными словами, человек должен пережить пограничную ситуацию, именно поэтому в экзистенциальной философии объект и субъект становятся конвергентными понятиями. Гештальт «объект+субъект» реализуется в «экзистенции», трансцендентальной реальности. Однако сторонники абсурдизма приходят к выводу, что жизнь бессмысленна, а окружающая реальность вызывает «тошноту».

Идеи экзистенциализма нашли свое отражение в работах выдающихся авторов: А. Мёрдок [16], У. Голдинга [7], Э. Ионеско [11], С. Беккета [3] и др. [15]. Среди представителей русского рока также присутствуют сторонники экзистенциального взгляда на бытие: А. Башлачев, Е. Летов, Я. Дягилева, В. Цой, А. Васильев, З. Рамазанова, Г. Самойлов и др. [22].

Прежде чем перейти к анализу экзистенциальной основы поэтики Я. Дягилевой, позволим себе добавить несколько слов об этой выдающейся персоне.

Яна Станиславовна Дягилева (Янка) (1966–1991) – рок-поэт, исполнительница собственных песен, участница панк-рок групп «Великие Октябри» и «Гражданская оборона» (проекты Егора Летова), представительница «периферийного рока» (сибирская школа). Ее наследие представляет собой 29 композиций. Основными темами ее творчества являются темы жизни и смерти, одиночества, страдания и боли. Центральный конфликт ее поэтики – трагическое противопоставление

устоев советского урбанистического общества и внутреннего мира лирической героини. Я. Дягилева трагически погибла в возрасте 24 лет при неизвестных обстоятельствах.

Экзистенциальная модель в поэтике Я. Дягилевой представляет собой смыслоформирующую систему. Основой модели являются мотивы, коррелирующие с пограничными ситуациями. Экзистенциальная модель притягивает к себе смыслообразующие комплексы, сходные с ней по структуре: «абсурдизм», включающий в себя мотивы бессмысленности существования, «фатализм», включающий в себя мотивы предопределения судьбы и безысходности, «панк» (протест) и «фольклор», включающий в себя сказочные мотивы, связанные с пограничным пространством.

Объектом исследования является полное собрание песен Янки Дягилевой – 29 композиций. Предмет исследования – смыслообразующие комплексы идей, составляющие экзистенциальную модель.

ПОГРАНИЧНЫЕ СИТУАЦИИ (СМЕРТЬ – ЖИЗНЬ)

Рассмотрим пограничные ситуации в творчестве Янки Дягилевой (смерть – жизнь).

Суицидальные мотивы

Ключевым мотивом в творчестве Я. Дягилевой является мотив смерти [22, с. 12]. Например, он является основным в песне «Стаи летят» [23, с. 193]⁽²⁾, где повествуется о поминках: «*Вечный огонь, лампы дневные*»; «*Крепкий настой*»; «*Угол, свеча, стол, образа...*»; «*плачьте, родные*». В этой песне наиболее ярко представлено пограничное пространство. Здесь сопоставляются два мира: мир живых людей, прощающихся с усопшим, и мир мертвых. При этом повествование идет от имени лирического героя, покончившего с собой («*К сердцу платок, камень на шею*»), который тоже прощается с родными: («*плачьте, родные*»).

Смерть как выбор личности становится экзистенциальной категорией, реализующейся в суицидальных мотивах творчества

(2) Здесь и в дальнейшем мы будем ссылаться на данное издание, указывая страницу в круглых скобках.

Я. Дягилевой: «Украсить интерьеры и повиснуть на стене» (с. 214, «Продано»); «Святые пустые места это в небо с моста» (с. 211, «Ангедония»); «К сердцу платок, камень на шее» (с. 193, «Стаи летят»).

Стоит отметить, что в песенном творчестве рок-поэта обнаруживаем два способа самоубийства: путем повешения (*Украсить интерьеры и повиснуть на стене*) (с. 214, «Продано») и путем утопления («Святые пустые места это в небо с моста» (с. 211, «Ангедония»); «К сердцу платок, камень на шее» (с. 193, «Стаи летят»).

Мотив убийства

Смерть может быть представлена не только в качестве самостоятельного ухода из жизни (суицида), но и в виде убийства, где убитый не совершает выбор, в отличие от убийцы, но вынужден смириться с безысходной ситуацией: «Сатанеющий третьеклассник во взрослой пилюле со звездочкой / Повесил щенка подрастает надежный солдат» (с. 211, «Ангедония»). Отметим, что жестокое и хладнокровное убийство животного совершает именно ребенок, который саркастически сравнивается с солдатом. Бессмысленность и абсурдность этого действия, убийства ради убийства, эксплицирует образ жестокого мира. Стоит отметить, что подробный анализ песни на текстовом и исполнительском уровнях представлен в статье Ю.В. Доманского «„Ангедония“ Янки Дягилевой. Опыт анализа одного исполнения» [10].

Мотив смерти, связанный не с суицидом, но с убийством, присутствует и в других песнях: «По трамвайным рельсам» («Нас убьют за то, что мы с тобой гуляли по трамвайным рельсам...», с. 202); «На дороге пятак» («Убивать хоронить горевать забывать», с. 236) и «Особый резон» («Нас поведут на убой»; «Кто не простился с собой / Кто не покончил с собой / Всех поведут на убой», с. 198).

Эсхатологические мотивы

Образ смерти в поэзии Я. Дягилевой возникает не только в связи с суицидальной тематикой и мотивом убийства, но может соотноситься с эсхатологическими мотивами. Так, тема смерти является центральной в песне «Придет вода» (с. 242). В.А. Гавриков, анализирующий данную песню с точки зрения синтетического подхода, отмечает музыкальный аспект, усиливающий восприятие реципиентом мотива смерти: «Конец трека „Придет вода“ – жесткий,

экспрессивный (психоделический) проигрыш, символизирующий, вероятно, посмертное (постапокалиптическое) состояние героини и/или мира в целом» [6, с. 132].

Эсхатологические мотивы возникают и в произведении «Выше ноги от земли», которое имеет кольцевую композицию и состоит из двух частей: стихотворной и песенной. При этом стихотворная часть закольцовывает композицию, несмотря на то что она «прерывается» песней. Кольцевая композиция – это круговорот жизни и смерти, и особую важность представляет здесь образ «Светопрествления» (с. 234).

АБСУРДИЗМ

Комплекс «абсурдизма» [22, с. 10] связан с ключевой темой творчества Я. Дягилевой – темой смерти – и включает в себя мотив бессмысленности существования. Так, в песне «Продано» смерть становится такой же бессмысленной, как и сама жизнь: «Украсить интерьеры и повиснуть на стене»; «Коммерчески успешно принародно подыхать / О камни разбивать фотогеничное лицо» (с. 214). Кроме того, здесь обнаруживаем обращение к детской поэзии А. Барто [2, с. 16] при описании хрупкости жизни и неизбежности смерти: «Иду я по веревочке, вздыхаю на ходу / Доска моя кончается – сейчас я упаду / Под ноги, под колеса, под тяжелый молоток / Все с молотка / О, продана смерть моя» (С. 214). Отсылка к теме детства присутствует не только в третьем, но и в четвертом куплете: «Подмигивает весело трехцветный светофор / И вдаль несет песенка ветрам наперекор / И радоваться солнышку и дождичку в четверг / Жить-поживать». Здесь же обнаруживаем обращение к жанру сказки («Жить-поживать») и фразеологизму («дождичку в четверг»). Таким образом, в песне «Продано» существование лирического героя бессмысленно. Эта экзистенциальная истина открывается лирическому герою в пограничном состоянии между жизнью и смертью («Доска моя кончается – сейчас я упаду / Под ноги, под колеса, под тяжелый молоток» (с. 214), при этом пограничное пространство свойственно русским народным сказкам [26].

В песне «Домой!» мотив смерти также является одним из ключевых, он коррелирует с мотивом ухода (эскапизма): «От всех рожде-

ний и смертей / перерождений и смертей / перерождений / Домой!» (с. 203). Лирический герой бежит от «тошнотворной» и омерзительной реальности, обретая свободу от общества, убегая в себя [31, с. 285]. При этом мотив смерти связывает рок-композицию с волшебной сказкой, для которой характерно пограничное пространство: «Заполнит промежутки мертвой водой» (с. 203). Согласно фольклорной традиции, существуют два вида воды: живая и мертвая. В концепции А. Афанасьева [9] живая и мертвая вода описана как спасительная влага: мертвая вода соединяет ткани, а живая – воскрешает. Сначала поливают мертвой водой, а только потом – живой: «Если убитого сразу полить живой водой, то он, конечно, откроет глаза, но останется раненым и тотчас умрет. В древние времена славяне называли живыми воды, текущие из родников» [цит. по: 9, с. 219–220]. Так, образ мертвой воды, отсылающий к жанру волшебной сказки, эксплицирует экзистенциальную основу песни и творчества Я. Дягилевой в целом.

В поэзии Я. Дягилевой абсурдизм частотно коррелирует с темой детства. Так, заглавие песни «Гори, гори ясно» указывает на обращение к детской игре с одноименным названием. Кроме того, здесь выявляем обращение к устному народному творчеству. Как справедливо отмечает Н.В. Ройтберг, «обращения к детскому фольклору и произведениям устного народного творчества <...>, попадая в рок-контекст, становятся индикаторами абсурдности и жестокости окружающего мира. <...> Претерпевая авторскую „правку“, пословицы и поговорки превращаются из мудрых афоризмов в апофеоз цинизма и озлобленности, при этом теряя свою первоначальную семантическую наполненность: „Без труда не выбьешь зубы“, „Зима да лето – одного цвета“» [22, с. 8]. Таким образом, пословицы и поговорки в рок-контексте трансформируются, эксплицируя мотивы жестокости и абсурдности мира.

Обращение к устному народному творчеству обнаруживаем и в песне «Декорации», где Янка Дягилева мастерски подвергает дефразеологизации народную пословицу «на воре шапка горит»: «Сорви парик и почувешь дым / Запомни — снова горит картон» (с. 192). Так, в варианте Я. Дягилевой образ парика можно трактовать как шапку (здесь – атрибут вора), которая горит так же, как и картон, из которого сделан крест, да и все декорации – весь мир. Трансформа-

ции фольклорных мотивов у Я. Дягилевой создают в целом образ абсурдного бытия.

ФАТАЛИЗМ И ПАНК

Экзистенциальная категория «смысл жизни» не всегда связана с абсурдом и бессмысленностью существования, но и с фатализмом. Мотив предопределенности судьбы, рока тесно коррелирует с мотивом безысходности – одним из наиболее значимых мотивов в творчестве Я. Дягилевой: «Ишь ты классные игрушки тетяка в сумочке несет, / А ребенок в больнице помирает ведь помрет» (с. 235), «Мне придется отползать» (с. 195), «Мне придется обойтись» (с. 195), «Первым классом школы жизни будет им тюрьма / А к восьмому их посмертно примут в комсомол» (с. 205), «Боль цветущими кустами чертит кругом райский сад» (с. 235), «Пауки в банке / <...> / Бегут по кругу / <...> / Пауки в банке / Ищали дыры, / Чтобы вскарабкаться наверх / Друг друга жрали / <...> / Пауки в банке / По ветру в вечность / А наше время истекло» (с. 189), «А злая метель обязала плясать на костре / <...> / Чужая дорога неверною левой рукой / Крестом зачеркнула нулем обвела по краям / А я почему-то стою и смотрю до сих пор / Как многоэтажный полет зарывается в снег / <...> / Стоять и смотреть это просто простить и молчать» (с. 215), «Исполнен предпоследний приговор» (с. 200), «Вечный путь до края и не дальше» (с. 197).

Экзистенциальная модель у Дягилевой также связана с направлением панк, подразумевающим снова мотив протеста [22, с. 7].

Известно, что протест может быть выражен через употребление обсценной и табуированной лексики с целью эксплицитного выражения эмоциональной составляющей композиции: «От всей сверкающей звенящей и пылающей *****» (с. 203).

Однако комплекс идей «панк» связан с протестом не только на лексическом, но и на мотивно-образном уровне. Так, мотив протеста против советского режима становится одним из центральных мотивов в песне «Особый резон» (с. 198): «На то особый отдел, на то особый режим / На то особый резон». Кроме того, здесь также выявляем ключевой мотив в поэтике Янки Дягилевой – мотив смерти («Пока не вспомнит рука, дрожит кастет у виска / Зовет косая доска»; «Нас поведут на убой»; «Кто не простился с собой / Кто не покончил с собой

/ Всех поведут на убой). Смерть здесь становится единственным возможным выходом из «тошнотворной» и омерзительной реальности. Таким образом, в песне «Особый резон» обнаруживаем корреляцию мотивов протеста и смерти, что указывает на то, что у смыслового комплекса «панк» присутствует экзистенциальная основа.

Мотив протеста возникает и в песне «От большого ума»: *«Собирайся, народ, на бессмысленный сход / На всемирный совет как обставить нам наш бред / Вклинить волю свою в идиотском краю / Посидеть-помолчать да по столу постучать»* (с. 206). Здесь так же, как и в «Особом резоне», жизнь становится бессмысленной («бессмысленный сход», существование – абсурдным («бред», а реальность вызывает «тошноту» («в идиотском краю»).

Кроме того, в этой песне обнаруживаем еще одну ключевую особенность в поэтике Я. Дягилевой – обращение к устному народному творчеству. Так, эта специфика выявляется в самой заглавии песни, так как оно содержит в себе русскую народную поговорку [28, с. 493].

Мотив протеста является центральным в песне «По трамвайным рельсам»: *«Если нам удастся, мы до ночи не вернемся в клетку»; «Если нас не встретят на пороге синие фуражки»; «Если встретят, ты молчи, что мы гуляли по трамвайным рельсам / Это первый признак преступления или шизофрении»; «Это будет очень долго, это будет очень справедливым / Наказанием за то, что мы гуляли по трамвайным рельсам / Справедливым наказаньем за прогулки по трамвайным рельсам / Нас убьют за то, что мы гуляли по трамвайным рельсам / Нас убьют за то, что мы с тобой гуляли по трамвайным рельсам...»* (с. 202). Кроме того, в мотивно-образной структуре песни обнаруживаем мотив смерти: *«Нас убьют за то, что мы с тобой гуляли по трамвайным рельсам...»*. Основу сюжета песни составляет невинный поступок лирических героев – они гуляли по трамвайным рельсам. Протест состоит в том, что, зная о наказании за этот поступок («Справедливым наказаньем за прогулки по трамвайным рельсам / Нас убьют за то, что мы гуляли по трамвайным рельсам»), лирические герои все равно стремятся его совершить («А мы пойдем с тобою погуляем по трамвайным рельсам / Посидим на трубах у начала кольцевой дороги»). Смысл этих прогулок заключается в протесте против системы, режима, власти как акте свободы. Стоит отметить, что на мотив протеста указывает и портрет революционера Феликса

Эдмундовича Дзержинского: *«А с портрета будет улыбаться нам Железный Феликс»*. Как справедливо отмечает Н.В. Ройтберг, «подобно герою трагедии, рок-герой – это „без вины виноватый, обреченный“ (ср.: „Нас убьют за то, что мы гуляли по трамвайным рельсам“ (Я. Дягилева)), его главное предназначение – повлиять на ход событий, складывающихся роковым образом, „перекроить“ реальность. Экзистенциальная трагедия состоит в том, что данная задача априори неосуществима – ценой за попытку противостоять устоявшимся нормам и законам или изменить окружающую действительность, игнорируя власть фатума, нередко становится собственная жизнь» [22, с. 9].

Итак, панк выступает как реализация протеста и коррелирует с экзистенциальными категориями «смерть», «свобода» и «выбор».

ФОЛЬКЛОР

Смыслообразующий комплекс «фольклор» включает в себя сказочные мотивы, связанные с пограничным пространством.

Обращение к устному народному творчеству, фольклорной песне особенно ярко выражено в «Нюркиной песне». Так, на уровне синтаксиса отсылка к фольклору реализуется в инверсии, изменении привычного расположения главных членов предложения: сказуемое становится перед подлежащим (например, «Разложила девка», «Потеряла девка»; «Развернулась бабской правдою стена / Разревелась – раскачалась тишина»; «Приносили женихи»; «Объясняли женихи» (с. 212), и в неполных предложениях с пропуском некоторых членов (например, «По глазам колючей пылью белый свет / По ушам фальшивой трелью белый стих / По полям дырявой шалью белый снег / По утрам усталой молью белый сон»).

Стоит отметить, что в песне «Полкоролевства» также присутствует обращение к устному народному творчеству – сказке: *«Восемь метров земель тридевятых»* (с. 196). Примечательно, что и здесь обнаруживаем мотив ухода, лирическая героиня «оставляет» полкоролевства: *«Я оставляю еще полкоролевства»*. Таким образом, лирический герой недоволен не только реальным, но и ирреальным миром сказки, что эксплицирует экзистенциальную «тошноту».

Традиционные русские фольклорные образы присутствуют и в песне «Медведь выходит» (с. 191), где действие происходит в лесу. Традиционный для фольклора образ медведя («Медведь выходит на охоту душить собак»). По сюжету песни лирические герои (охотники, вероятно, отец с сыном) входят в берлогу медведя («Горящим факелом в берлогу – ногу обожгло / Два глаза мелкого калибра целятся насквозь / Четыре лапы на спасенье — когти и клыки»), однако зверь выходит на свою охоту, чтобы душить охотничьих псов, охотники бегут («Беги, сынок, скажи, что завтра будет новый день / Медведь выходит на охоту душить собак»; «По деревянному помосту тяжело бежать»). Но медведь, как и охотники, оказывается на пороге жизни и смерти, то есть в пограничной ситуации.

Стоит отметить, что обращение к фольклору обнаруживаем и в песне «На дороге пятак». Здесь возникает мифический образ Лешего («Чудеса да как леший бродил по лесам»); множество устойчивых выражений, которые в рок-контексте претерпевают дефразеологизацию («Все полы все углы подмели языки»; «с гуся кровь»; «Все к лицу подлецу»; «Побежали глаза» (с. 236).

Обращение к детскому фольклору и русскому народному творчеству обнаруживаем и в песне «Выше ноги от земли». В заглавии песни также выносится название детской подвижной игры. В первой части песни происходит дефразеологизация: «ожидало море погоды» (с. 233) (дефразеологизация устойчивого выражения «Ждать у моря погоды. Рассчитывать, надеяться на что-либо, не предпринимая ничего, оставаясь пассивным» [28, с. 156], что актуализирует мотивы фатальности и бессмысленности, имеющие экзистенциальную основу смирения с бессмысленностью бытия), «с огородным горем луковым» (с. 233) (дефразеологизация устойчивого выражения «Горе луковое. Шутл. Незадачливый, нерасторопный человек; недотепа» [28, с. 117]). Более подробно обращение к фольклорной традиции анализирует А.С. Мутина [17].

Таким образом, песня «Выше ноги от земли» имеет специфическую композицию (стихотворение – песня – стихотворение). Кольцевая композиция обнаружена и в песне «Рижская». Кроме того, здесь так же, как и в стихотворении, обрамляющем песню «Выше ноги от земли», открытый финал, возникает мотив смерти [31, с. 219], присутствует дефразеологизация: «Свой горох кидай горстями

в мои стены» (с. 201) (дефразеологизация устойчивого сравнения «как об стену горох»⁽³⁾); «Кидай свой бисер перед вздернутым рылом» (дефразеологизация устойчивого выражения «метать бисер перед свиньями»⁽⁴⁾). Главная тема песни – безысходность, которую усиливает кольцевая композиция.

Таким образом, смыслообразующий комплекс «фольклор» в творчестве Я. Дягилевой имеет экзистенциальное начало. Автор, обращаясь к традициям фольклора, трансформирует типичные для устного народного творчества образы и художественные приемы, эксплицируя абсурдность и безысходность бытия.

Итак, экзистенциальная модель в поэтике Я. Дягилевой является системой, формирующей смысловое наполнение текстов рок-поэта. Основой такой модели являются мотивы, коррелирующие с пограничными ситуациями. Комплексы мотивов, аналогичные по структуре экзистенциальной модели, становятся периферией экзистенциального ядра. Такими комплексами мотивов в поэтике Я. Дягилевой являются: «абсурдизм», «фатализм», «панк» и «фольклор».

(3) «Как об стенку горох – ничего не влияет, не действует на кого-либо» (подробнее см.: [4, с. 273]).

(4) «Метать бисер перед свиньями – напрасно высказывать мысли и чувства, ценные в каком-либо отношении, тому, кто не способен понять, оценить это» (подробнее см.: [27, с. 74]).

Список литературы:

- 1 Алексеев И.С. Рок-культура в публичном пространстве Санкт-Петербурга 1990-х годов: дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2003. 160 с.
- 2 Барто А.Л. Стихи детям. В 2 т. Т. 1. М., 1976. 399 с.
- 3 Беккет С. В ожидании Годо. М.: Текст, 2015. 193 с.
- 4 Большой фразеологический словарь русского языка / сост. Антонова Л.В. М.: Дом славянской книги, 2010. 926 с.
- 5 Власова Г.Б. Рок-культура – феномен XX века: дис. ... канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2001. 122 с.
- 6 Гавриков В.А. Русская песенная поэзия XX века как текст: монография. Брянск: Брянское СРП ВОК, 2011. 634 с.
- 7 Голдинг У. Повелитель мух. М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2008. 413 с.
- 8 Гончарова Н.Б. Специфика социализации подростков современного крупного города: вхождение в рок-культуру: дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2002. 166 с.
- 9 Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Русские легенды и предания. М.: Эксмо, 2006. 672 с.
- 10 Доманский Ю.В. «Ангедония» Янки Дягилевой. Опыт анализа одного исполнения // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. Екатеринбург; Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. вып. 10. С. 153–166.
- 11 Ионеско Э. Лысая певица. М.: Известия, 1990. 224 с.
- 12 Камю А. Посторонний. Миф о Сизифе. Калигула. М.: АСТ, 2015. 320 с.
- 13 Касьянова Е.В. Рок-культура в контексте современной культуры: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2003. 162 с.
- 14 Квятковский Г.Ю. Рок-культура как объект социологического анализа. Челябинск: Уральская академия, 2003. 148 с.
- 15 Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / Под ред. проф. Горкина А.П. М.: Росмэн, 2006. 984 с.
- 16 Мёрдок А. Отрубленная голова. СПб.: Азбука, 2000. 313 с.
- 17 Мутина А.С. «Выше ноги от земли», или Ближе к себе (о некоторых особенностях фольклоризма в творчестве Янки Дягилевой) // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сб. науч. тр., вып. 4. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. С. 187–190.
- 18 Мэй Р. Открытие Бытия. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2004. С. 64–65.
- 19 Мякотин Е.В. Рок-музыка. Опыт структурно-антропологического подхода: автореф. дис. канд. искусствоведения: 17.00.02. Саратов, Саратов. гос. консерватория, 2006. 154 с.
- 20 Набок И.Л. Рок-музыка: эстетика и идеология. Л.: Знание, 1989. 32 с.
- 21 Назарова И.Ю. Алисоманы и киномамы: опыт фольклорно-этнографического исследования // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сб. науч. тр., вып. 2. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. С. 168–175.
- 22 Ройтберг Н.В. Что есть «рок», или Экзистенциально-трагедийное начало как смысловая доминанта рок-жанра // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сб. науч. тр., вып. 12. Екатеринбург; Тверь, 2011. С. 7–12.
- 23 Русское поле экспериментов / Е. Летов, Я. Дягилева, К. Рябинов. М.: ТОО «Дюна», 1994. 300 с.
- 24 Сартр Ж.-П. Тошнота. М.: АСТ, 2008. 715 с.
- 25 Кьеркегор С. Жизнь. Философия. Христианство / Сост. и пер. с англ. И. Басс. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 243 с.

- 26 Сулов А.А. Особенности восприятия пространства в русской народной сказке // Известия Томского политехнического университета: сб. науч. тр. Томск, 2011. Т. 319. № 6. С. 102–106.
- 27 Фразеологизмы в русской речи: Словарь / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. 2-е изд., стер. М.: Рус. слов., 2005. 863 с.
- 28 Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / сост. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. 2-е изд., стер. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 543 с.
- 29 Цукер А.М. Даниил Хармс и советский рок-абсурдизм // Южно-Российский музыкальный альманах: сб. науч. тр. вып. 2. Ростов-на-Дону, 2011. С. 8–16.
- 30 Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры: опыт этнографического исследования системы. 1986–1989. СПб., 1993. 340 с.
- 31 Янка. Сборник материалов / авт.-сост.: Е. Борисова, Я. Соколов. СПб.: Облик, 2001. 608 с.

References:

- 1 Alekseev I.S. *Rok-kul'tura v publichnom prostranstve Sankt-Peterburga 1990-h godov* [Rock culture in the public space of St. Petersburg in the 1990s]. Diss. for the degree of candidate of sociology. St. Petersburg, 2003. 160 p. (In Russ.)
- 2 Barto A.L. *Stihi detyam* [Poems for Children]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow, 1976. 399 p. (In Russ.)
- 3 Beckett S.B. *V ozhidanii Godo* [Waiting for Godot]. Moscow, Tekst Publ., 2015. 193 p. (In Russ.)
- 4 Antonova L.V., ed. *Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Large phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow, Dom Slavyanskoj knigi Publ., 2010. 926 p. (In Russ.)
- 5 Vlasova G.B. *Rok-kul'tura – fenomen XX veka* [Rock culture – the phenomenon of the 20th century] Diss. for the degree of candidate of philosophy. Rostov-on-don, 2001. 122 p. (In Russ.)
- 6 Gavrikov V.A. *Russkaya pesennaya poeziya XX veka kak tekst* [Russian song poetry of the 20th century as text]. Bryansk, Bryanskoe SRP VOK Publ., 2011. 634 p. (In Russ.)
- 7 Golding W.G. *Povelitel' muh* [Lord of the Flies]. Moscow, AST Publ.; Vladimir, VKT Publ., 2008. 413 p. (In Russ.)
- 8 Goncharova N.B. *Specifika socializacii podrostkov sovremennogo krupnogo goroda: vkhozhdenie v rok-kul'turu* [The specificity of the socialization of adolescents in a modern large city: entry into rock culture]. Diss. for the degree of candidate of sociology. Rostov-on-don, 2002. 166 p. (In Russ.)
- 9 Grushko E.A., Medvedev Yu.M. *Russkie legendy i predaniya* [Russian legends and traditions]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 672 p. (In Russ.)
- 10 Domanskiy Y.V. "Angedoniya" Yanki Dyagilevoj. Opyt analiza odnogo ispolneniya ["Angedonia" by Yanka Dyagileva. Experience in analyzing of one performance]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst, sb. nauch. tr.* Yekaterinburg, Tver, Tver. gos. un-t Publ., 2008, no. 10, pp. 153–166. (In Russ.)
- 11 Ionesco E. *Lysaya pevica* [The bald singer]. Moscow, Izvestiya Publ., 1990. 224 p. (In Russ.)
- 12 Camus A. *Postoronnij. Mif o Sizife. Kaligula* [The Stranger. The Myth of Sisyphus. Caligula]. Moscow, AST Publ., 2015. 320 p. (In Russ.)

- 13 Kas'yanova E.V. *Rok-kul'tura v kontekste sovremennoj kul'tury* [Rock culture on the context of modern culture]. Diss. for the degree of candidate of philosophy. St. Petersburg, 2003. 162 p. (In Russ.)
- 14 Kvyatkovskij G.Y. *Rok-kul'tura kak ob'ekt sociologicheskogo analiza* [Rock culture as an object of a sociological analysis]. Chelyabinsk, Ural'skaya akademiya Publ., 2003. 148 p. (In Russ.)
- 15 *Literatura i yazyk. Sovremennaya illyustrirovannaya enciklopediya* [Literature and language. Modern Illustrated Encyclopedia]. Moscow, Rosmen Publ., 2006. 984 p. (In Russ.)
- 16 Murdoch I. *Otrublennaya golova* [The severed head]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 313 p. (In Russ.)
- 17 Mutina A.S. "Vyshe nogi ot zemli," ili Blizhe k sebe (o nekotoryh osobennostyah fol'klorizma v tvorchestve Yanki Dyagilevoj) ["Above the feet from the ground," or Closer to yourself (about some features of folklorism in the works by Yanka Dyagileva)]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst, sb. nauch. tr.* Tver, Tver. gos. un-t Publ., 2000, no. 4, pp. 187–190. (In Russ.)
- 18 May R.R. *Otkrytie Bytiya* [Discovery of Being]. Moscow, Institut Obshchegumanitarnyh Issledovaniy Publ., 2004, pp. 64–65. (In Russ.)
- 19 Myakotin E.V. *Rok-muzyka. Opyt strukturno-antropologicheskogo podhoda* [Rock music. The experience of the structural-anthropological approach]. Thesis for diss. for the degree of candidate of arts: 17.00.02. Saratov, 2006. 154 p. (In Russ.)
- 20 Nabok I.L. *Rok-muzyka: estetika i ideologiya* [Rock music: aesthetics and ideology]. Leningrad, Znanie Publ., 1989. 32 p. (In Russ.)
- 21 Nazarova I.Y. Alisomany i kinomany: opyt fol'klorno-etnograficheskogo issledovaniya ["Alisa" fans and "Kino" fans: the experience of folk-ethnographic research]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst, sb. nauch. tr.* Tver, Tver. gos. un-t Publ., 1999, no. 2, pp. 168–175. (In Russ.)
- 22 Rojtberg N.V. Chto est' "rok", ili Ekzistencial'no-tragedijnoe nachalo kak smyslovaya dominanta rok-zhanra [What is "rock," or Existentially tragic beginning as a semantic dominant of the rock genre]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst, sb. nauch. tr.* Yekaterinburg, Tver, 2011, no. 12, pp. 7–12. (In Russ.)
- 23 E. Letov, YA. Dyagileva, K. Ryabinov. *Russkoe pole eksperimentov* [Russian field of experiments] / Moscow, TOO "Dyuna" Publ., 1994. 300 p. (In Russ.)
- 24 Sartre J.-P. *Toshnota* [Nausea]. Moscow, AST Publ., 2008. 715 p. (In Russ.)
- 25 Bass I., ed. *Syoren K'erkegor. Zhizn'. Filosofiya. Hristianstvo* [Soren Kierkegaard. Life. Philosophy. Christianity]. Trans. from Eng. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2004. 243 p. (In Russ.)
- 26 Suslov A.A. Osobennosti vospriyatiya prostranstva v russkoj narodnoj skazke [Features of the perception of space in the Russian folk tale]. *Izvestiya Toms'kogo politekhnicheskogo universiteta, sb. nauch. tr.* Tomsk, 2011, vol. 319, no. 6, pp. 102–106. (In Russ.)
- 27 Melerovich A.M., Mokienko V.M., eds. *Frazeologizmy v russkoj rechi: Slovar* [Phraseological Units in Russian: Dictionary]. 2nd ed. Moscow, Rus. slov. Publ., 2005. 863 p. (In Russ.)
- 28 Molotkova A.I., ed. *Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka: svyshe 4000 slovarnyh statej* [Phraseological dictionary of the Russian language: Over 4000 entries]. Comp. L.A. Vojnova, V.P. Zhukov, A.I. Molotkov, A.I. Fedorov. 2nd ed. Moscow, Sov. enciklopediya Publ., 1968. 543 p. (In Russ.)
- 29 Cuker A.M. Daniil Harms i sovetskij rok-absurdizm [Daniel Harms and Soviet rock absurdism]. *Yuzhno-Rossijskij muzykal'nyj al'manah, sb. nauch. tr.*, no. 2, Rostov-on-don, 2011, pp. 8–16. (In Russ.)
- 30 Shchepanskaya T.B. *Simvolika molodezhnoj subkul'tury: opyt etnograficheskogo issledovaniya sistemy. 1986–1989* [The symbolism of the youth subculture: The experience of ethnographic research of "the system." 1986–1989]. St. Petersburg, 1993. 340 p. (In Russ.)
- 31 Borisova E., Sokolov Y., eds. *Yanka. Sbornik materialov* [Yanka. Collection of materials]. St. Petersburg, Oblik Publ., 2001. 608 p. (In Russ.)